

— Я убил тебя, но подарил бессмертие. Людская жизнь ничего не стоит, потому что она — как пробник перед чем-то большим. И всё же я прошу прощения за это. Прошу прощения за каждую смерть по моей вине, что ранила тебя. И если так выйдет, что мы столкнемся в схватке, прости меня уже сейчас за твоё убийство и убийство других, кто встанет на моём пути. Потому что это война.

Туман поглотил все цвета, превращая окрестности в кроваво-серый фон. Картинка происходящего расплывалась среди окружающей какофонии звуков и, терзающих мысли, голосов, что вскрывали душу по живому, оставляя рваные ошмётки истекающих ран.

От подобного веет гнилой сыростью, как от старинных зданий, которые пропитаны ею с первого заложенного кирпича. Как правило, такие здания имеют историю, что оставляла огромные чёрные пятна крови и плесени на жизни живущих там людей, затмевая льющийся свет из готических окон. И только в край отчаявшийся человек осмеливался заглянуть за ворота, приоткрывая двери, чтобы лучше расслышать и понять диссонанс голосов души, звучащих там, и найти непристойное количество тайных конвертов рыхлой бумаги, что давно утратила белизну.

Звук, с которым запылённые от осыпающейся штукатурки ботинки опускаются на разломанный пол, забивает уши, а ветер, гуляющий между развалинами стен, холодит разгорячённое тело. Пробегая очередной пролёт и отталкиваясь руками от ещё не успевших развалиться стен, Луис удерживает полный ядовитой боли крик. Сквозь стиснутую челюсть, сдерживая желание расковырять грудную клетку и выпустить воющую, во всю горло, душу из кровоточащего сердца.

Спотыкаясь об собственные ноги, он оказывается в открытом коридоре, что вёл к спальням учеников, где единственным ограничением от внешнего мира были мраморные колонны, что рассыпались на куски камней, подымая за собой слои пыльной штукатурки. Здесь непризнанный, как на открытой ладони, словно полностью обезоруженный мальчик, что предстал перед огромным миром, где интересы двух сторон привели к непоправимым разрушениям. Он ощущал себя грешником, что двигался к запретному плоду, дабы дать ему вторую жизнь, жертвуя своей.

Последующие действия приходятся тяжёлым ударом в спину. Боль падения на обломки и грубые выступы треснувшего пола прожигают бедро с затылком. С каждым скольжением тела Луи ощущал острые камушки мрамора и штукатурки разваливающейся школы, что царапали его кожу, разрывая ткань экипировки. Защищая голову парень не мог видеть стаи Субантр*, что окружали воющих в смертоносные круги и застилали небо над головами так, что не было видно ни звёзд, ни восходящего солнца, которое могло осветить тайны разрушающейся башни, даря надежду, без которой ей долго не простоять.

Цепкие когти птицы разрывали кожу плеча, впиваясь глубже с каждой неудачной попыткой схватить тело, чтобы, в последствии, линчевать по частям, где-то в глубинах собственного грота. От нарастающих эмоций внутри, на мгновение, содрогнулась мерзкая, до черта развратная натура, присущая и докучающая ему с определённого времени. Она пробуждала в сознании острые ощущения, при мысли о том, что парень может быть на месте того существа, разрывая уже его на куски.

Пурпурное существо реагировало на рецепторы страха, с неумолимой жадностью стараясь расправиться с желанной жертвой. Когти субантры всё ещё напоминали о себе, больно разрезая кожу в районе ключиц, а её распахнутый бутон, что служил для подобных существ головой, клевал разбитый мрамор вокруг головы парня, не в силах схватить сопротивлявшегося

непризнанного. Крылья будущего ангела были зажаты между телом и полом, не в силах наносить птице дополнительный урон. Пряча лицо в собственные руки Томлинсон ощущал солоноватый запах крови в носу, а глубокие царапины покрывали мальчишеские плечи. Продолжая кричать о помощи, он переставал слышать собственный голос. Слёзы горячей жидкостью стремительно скатывались по алым щекам.

Неоднократно крылатый видел, как неземные существа нападали на сражающихся внизу ангелов и демонов, разрывая и буквально линчуя их живьём, кусками отрывая кожу, что скрывала под собой системы из сосудов, мышц и сухожилий. Он видел это, на подсознании чувствовал весь тот страх, что был похож на затяжной и густой туман, обволакивающий старинную школу вдали от столицы, сквозь разрушенные города. Это явление не сулило очищающий дождь или спасительную дымку, в которой возможно будет найти укрытие ото всех грехов, что творились вокруг. Этот живой и густой пар пахнет смертью, и только она царит в его пустынной глубине. И Луи уверен, он будет ещё одним небесным телом, которое поглотит туман. С каждой прошедшей минутой, от переполняющих тело эмоций Томлинсон терял связь с реальностью, погружаясь в пучину облаков, которые разительно отличались от тех, что были на Земле.

Сквозь поглощающую мглу шатен мог разобрать слова, так похожие на спасительную соломинку. Они словно звучали из его головы, окутывая разум со всех сторон. Взмах крыльев, затем ещё один и ещё заставили дивное создание кричать немного тише, подавляя её напор и переманивая внимание на иное, но Томлинсон продолжал бездействовать, так и не решаясь распахнуть веки. Он слышал её визг, громкий, душераздирающий, пронизывающий до костей, словно предзнаменователь того, что теперь это небесное существо стало жертвой перед кем-то могущественней. Кем-то, кто мог разорвать её в клочья, чем, собственно и занимался, не давая слепой птице и шанса для нанесения подавляющего удара.

Замерший ещё недавно момент разрушился отрезвляющим ветром, который создавали крылья воющего. Покой этого места нарушался, ломая его идиллию изнутри, стягивая занавес истории, которая веками скрывала старинное здание, покрывая всё плотным слоем паутины и уничтожая каждое живое существо, что пыталось заглянуть за кулисы. И только невозвратное время могло разрушить стены, оголив всю желчь прячущихся внутри тайн.

Луис лежал не в силах открыть глаза, словно каменная кукла, покрытая огромными трещинами от падений, к которым её толкали окружающие. Он устал. Его тело шло против него, поглощая цвета души и надежды, что плясали в глубине. С каждым пройденным днём этот источник жизни, движущая сила, способная свернуть горы, поглощалась на глазах, продолжая плясать и оживлять механизмы парня. Губы содрогаются вместе с подбородком, а от переполняющих тело эмоций начинают дрожать руки. Из-под закрытых век по вискам, скатываются прозрачные капли, оставляя за собой светлые, едва заметные дорожки, теряющиеся в волосах. Ураган чувств зарождался внутри: злость, боль, раздражимость. Лёжа на гранитном полу тело содрогалось от рыданий. Он мог умереть. Снова. Он мог умереть и даже не успеть увидеть его, не успеть спасти.

Очередной поток ветра распахивает полы накидки, проходясь по груди и унося вслед за собой последний визг поверженной и летящей вниз птицы. Томлинсон не успел даже приоткрыть ресницы, как резкие движения чужих рук вздымают его за грудки вверх, отрывая от покрытого мелкими перьями пола. Протяжный стон превращается в оглушающий крик. Теперь уже распахнутый и обезумевший от боли взгляд опускается на лицо держащего, но лишь на секунду, потому что тёмные звёзды начинают мелькать в голубых глазах. Разорванные раны на плече кровят, топя тело в очередной агонии. Луи хочет стереть выступившие капли пота на лбу, но вместо этого пытается схватиться за стоящего рядом парня, чьи руки отпустили его,

буквально роняя, от сильного толчка в спину.

— Зейн, прекрати.

До ушей доносятся слова обладательницы женского голоса, чьи ноги парень видел перед собой, когда пытался устоять на двух своих. Демон нарочно игнорирует сказанные слова, снова хватая и подтаскивая шатена к своему телу, будто тот был тряпичной куклой нежели живым существом.

— Зейн, я сказала, прекрати! — очередной толчок в держащего приносит новый импульс боли, пробуждая в Луи весь спектр отрицательных эмоций и разгоняя работу сердца. Малик мог переломать ему все кости, сломать шею или того хуже — раздавить голову буквально изнутри. В этом парне билось достаточно властной силы, чтобы сотворить подобное, но Луи знал, Зейн устал также, как и он. За несколько прошедших часов они успели увидеть слишком много смертей. Это была истинная битва за небеса.

— Прекратить? Он убьёт всех нас, а ты говоришь мне прекратить?! — глаза сына Сатаны горели алым пламенем самого ада, когда он развернулся к поспевающей на помощь парочке.

— Он не виноват в происходящем. — темноволосый парень делает шаг в сторону демона и указывает на непризнанного рукой. — Не из-за него, так из-за кого-нибудь другого, это было необратимо и ты, — он тыкает пальцем в скрытую под стальной бронёй грудь. — знаешь это не хуже нас.

— Дилан, проснись! — Зейн отталкивает упирающийся палец и хватая кисть парня, разворачивает его лицом к развалинам старинной башни, из недр которой подымался серый, как смола дым. Словно после развала все секреты, живущие внутри, нашли выход в свет, разнося свои ужасы по окрестностям. — Оглянись по сторонам, давай, чего стоишь. Демоны с ангелами воюют против своих же, братья и сестры убивают друг друга ради какой-то благой цели, которую проповедует монстр!

Зарница, сквозь бреши защитного купола школы, ярким светом разрывала мрак, скрывающий происходящие внизу ужасы.

«Только грозы нам и не хватало», — подумалось Луису.

— Вспомни, как с появлением непризнанного пошатнулись весы Немезиды, ты ведь сам это видел! А сейчас вместо того, чтобы действительно сделать праведную вещь, он, — Малик вскидывает палец в направлении Луи. — бежит на помощь чудовищу со словами: «Он не виновен, ему нужно помочь», а вы идёте за ним, как те земные дети, слепо верящие всему!

— Зейн, — голос Спроуса тих, но твёрд. Он говорит спокойно, словно собеседник был напуганным ребёнком, которому нужна поддержка. — это не праведные вещи. Смерть мальчика не облегчит жизнь небес. Сам этот мальчик является воплощением небесного гнева, и если Шепфа...

— Если Шепфа что? Он никогда не был с нами и не будет. Вашему обожаемому создателю плевать с высокой башни на то, что сейчас происходит. — Малик медленно отступает назад, смотря куда-то вдаль и избегая происходящее вокруг. Он понижает голос, словно тот змей искуситель, что оставил свою жизнь в глубинах зимних пещер на северо-западе от школы. — Вспомни трактат! Он заберёт твою жизнь и всё, что дорого, не оставив взамен ничего, кроме как пустого, ни на что негодного сосуда. Лиам едва не умер, Спроус, Барбара находится на грани своих сил, а он, — указательный палец вновь тыкает в сторону Томлинсона, как в

нашкодившего кота. — этот чертов непризнанный, имея часть силы того монстра, не собирается убивать его! Он жертвует всеми нами, Дилан!

И если минутами ранее Малик спасал шатена от дышащей в лицо смерти, то теперь ему самому приходится обороняться. Боль удара об колонну прошибает затылок. Его руки трясутся от злости и едкой доли отвращения, пока новая порция штукатурки осыпалась на волосы. Он, сцепив зубы и держась за треснувшую паутинкой опору, не сводит глаз с нападающего сквозь болезненные ощущения в теле.

— А теперь послушай меня, Зейн.

— Нет, это ты послушай, щенок! — темноволосый отталкивается от колоны, подходя с каждым новым словом всё ближе к тяжело дышащему парню. — Ты освободил с башни зверя, это с твоим появлением жизнь небес дала трещину, это в следствие твоих поступков Цитадель отвернулась от школы и только в следствие твоих чёртовых нравов мы должны терпеть потери!

Ветер — всё, что чувствует Луи на протяжении нескольких секунд молчания. Казалось, куда бы он не спрятался, ветер нашёл бы его повсюду: он гулял в его крыльях, дёргая и прочёсывая каждое пёрышко, и на мгновение Луи показалось, что он в силах вырваться из плена событий. Душа, покрываемая отчаянием, словно вязкой жижей, противиться мозгу, призывающему к действию. И он действует. Томлинсон расправляет свои крылья, взмахивая ими пару раз, разминая. В его голубых глазах бьют искры восходящей грозы, способной разрушить все строения, покрытые мраком тайн, лишь бы достичь света. Он чуть задирает голову, разглядывая татуировки в вырезе экипировки будущего правителя Ада, в то время как кроваво-красные глаза смотрят на него с лёгким прищуром, пытаясь забраться внутрь черепной коробки и вытащить наружу каждое недосказанное слово.

— Я освободил с башни ни в чём неповинного ребёнка, которого все хотели считать монстром, потому что так было удобно. — Томлинсон стоит на месте, не двигаясь, пока глаза продолжали гореть ярким светом. — Настоящего монстра освободил отец того, кого ты безмерно любишь. Поэтому не тебе тут решать, кто, кого выпустил.

— Этот тысячелетний “ребёнок” забрал у тебя всё, чем ты дорожишь! — Демон вскидывает руки в стороны, пытаясь достучаться до шатена. — Он едва не убил Лиама и Барбару. Да даже твой сосуд треснул изнутри, потому хватит его защищать!

— Правильно ты сказал, едва не убил. Все выжили, так как он не хотел их смерти, а ты предлагаешь убить мою любовь в то время, пока твоя будет жить! — его голос перекрикивал гуляющий ветер, который эхом разносил по окрестностям боль и отчаянье, скрывающиеся в глубинах непризнанной души, пока страх резонировал глубоко в костях.

Зейн застыл на месте.

— Если хотя бы одно перо сорвётся с его крыла, хотя бы одна капля прольётся с его тела, клянусь, я убью того, из-за которого это случится. — очередные визги субантр разносятся в небе, пронизывая своей горечью, как дань прощания с одной из множества потерь. — И если этим кем-то окажется кто-то из вас, я не отступлюсь, потому что моя любовь тоже имеет право на жизнь. — и словно в подтверждение его слов в небе прогремел рог, за которым команда так старательно следовала по глубинам смертельного леса, в поисках надежды, что было довольно рискованно, ведь, в конце концов, никто не гарантировал, что они могут вернуться невредимыми. Или вообще вернуться. — Ты любишь Лиама даже в самые тяжёлые моменты, так и я, Зейн, люблю его даже сейчас, когда он готов разрушить систему.

Впервые с тех пор, как они стали на тропу войны, восходящий рассвет не был таким по-настоящему желанным, как в эту ночь. Луи отважился сказать правду, не всю, но правду.

«— Я был хорошим и добрым, Луи, но когда небеса ведут на тебя охоту вся хорошость и доброта испаряются. Пуф и всё».

— «Рыбу нельзя вылечить, если у неё гниёт голова. Остаётся только отрезать». Он сказал это несколько дней назад, когда я находился в лагере. — Томлинсон окидывает стоящих взглядом, останавливаясь на голубых девичьих глазах. На секунду перед ним возникает призрачный облик улыбки, что всегда сияла на женском лице. Она любила улыбаться, а он любил, когда она улыбается. Все это любили. Её улыбка означала лишь одно — всё хорошо. И если придется умирать, то шатен предпочтёт в последний раз увидеть ту улыбку, что сияла ярче всех. Но сейчас её пыльное лицо покрывали лишь мелкие порезы и светлые дорожки от высохших слёз. Он знает, что на её языке вертится много несказанных слов, но Барбара молчит и будет молчать, пока не придет время.

— Если это правда, и бессмертный может убить другого бессмертного, только захотев, то я сделаю это, — он хотел в это верить, иначе не будет никакого смысла бороться дальше и можно было бы ложиться здесь и умирать. — но я сделаю это не ради небес, Зейн, я сделаю это, чтобы спасти его.

Маленькие густые капли, в темноте напоминающие чернила, начинали срываться с неба.

— Только одному мне не справиться. Нужна помощь. — Луи делает шаги, подходя ближе к краю, и указывает на отдалённую часть школы. — Он находится в небе на открытой местности, если я полечу на прямую, то не смогу попросту напасть, буду как на ладони и для него, и для Субантр. Северная башня находится к нему ближе всего, и если его кто-то отвлечёт, то мне будет гораздо легче.

— Хочешь, чтобы мы напали в лицо? — Малик становится за Томлинсоном, разглядывая затуманенное небо.

— Не вы, а ты, — голубоглазый делает акцент на последнем слове. — Он ненавидит тебя сильнее всех. После Шепфы, конечно. Ты идёшь неприятным бонусом, поэтому и будешь нападать.

Тот, кого не было много веков, вновь существовал в их мире, но теперь злой, пропитанный слоем несправедливости и угнетений, он готов был мстить небесам и Цитадели, пока смерть множилась за его спиной.

— Дилан, Барбара, — Луи подзывает их едва заметным движением головы. — Найл в лазарете и его состояние... — в горле образовывается ком.

Тёмные рваные царапины были раскиданы по всему телу, казалось, что каждая кость, каждый сустав сломаны или вывернуты. Оставшуюся броню ангела покрывали алые брызги, а блондинистые волосы были превращены в грязное месиво из пыли, крови и земли. Он не был похож на живого: глубокие раны, разорванные лоскуты кожи и чёрные, смотрящие в никуда, дыры вместо глаз, а так же крыло...

Одного не хватало.

Самым пугающим оказалось то, что парень находился на грани сознания. Найл больше не кричал, не проклинал, сорвавшимся голосом на всё здание. Он просто лежал на носилках,

глотаю комки оставшихся в горле соплей и недостающий воздух. От дрожащего, как осиновый лист, тела, что пропускалось сквозь себя волны агонии, веяло зловонием.

Именно таким его запомнил Луи, прежде чем уйти, именно такой запах забился в его ноздри. Субантры, как тогда подумалось непризнанному, никого не щадят.

— Он справится, а пока нужно, чтобы кто-то не подпускал птиц к Зейну. Они будут очень сильно мешать и не дадут достать до него. — от воспоминаний о друге тело покрывается гусиной кожей.

— Знай, Томлинсон, если я окажусь прав и его нужно будет убить — моя рука не дрогнет.

— Я сделаю это не хуже тебя. — до конца не веря в сказанное, Луис отводит взгляд, под звук вспархивающих крыльев, ставя этим точку для себя.

Он ощущает её кожей, но сил повернуться не находит. Она всегда была его дьявольским хранителем в стенах этого здания. Барбара была и остаётся его проводником, даже после встречи мальчика из башни. Она всегда стояла позади его плеч, охраняя спину от предательских ударов, как и сейчас. Женское дыхание обдаёт вместе с ветром, когда длинноволосая поворачивает его лицом к себе, аккуратно держа за руки.

— Это точно твоё желание? — голос звучит нежно, словно её несломленная душа всё ещё улыбается. — Они одно целое, и если ты убьешь одного, то что будет с другим? Только подумай, ты готов снова обречь его на вековые заключения? Он же будет помнить всё и это всё будет съедать изнутри, как бы ангелы его не опекали. Да и будут ли они после всего делать это, Лу?

— Всё будет хорошо, а сейчас лети, ты нужна Спроусу. — он подталкивает её к краю и провожает взглядом, держа на языке недосказанную фразу.

Не стоит разбалтывать все свои планы.

* * *

Полость рта мучительно раздражает своей сухостью, из-за чего язык сильнее давит на нёбо, пытаясь выдавить ещё немного слюны. Одно из его плечей покрылось вязкой засохшей кровью, что смешалась с пылью разрухи. В отличие от его души оно больше не кровило, а неровная кромка ран начинала неприятно стягивать кожу.

Находясь в стенах школы Луи понял одну вещь: тайны, легенды и трактаты теряют своё значение от того, сколько раз они были произнесены вслух. И чем чаще о них говорят, тем жалче они становятся, теряя свою власть перед округой. Но тайну, что хранилась под сердцем, защищённая костями, он не собирался произносить на всю гласность. Это то, что должно остаться между ними двумя. Оно не должно терять свою пелену страха.

Выпустивши мальчика из башни, он выпустил обнажённую душу, словно вчера переродившуюся, но уже уставшую и одурманенную. Это был момент осознания, что он самолично берётся оберегать эту душу, потому сейчас Томлинсон тяжелым грузом налетает на сражающихся между собой демонов, тем самым спасая Зейна из смертоносной ловушки, в которую он сам его и загнал. Сын двух разных божественных созданий оборачивается, а на иссохших кленовых губах играют капли вишнёвой крови. В его глазах кубилась тьма, будучи в тысячу раз гуще тьмы будущего правителя ада, гуще, самого Ада. Она была глубокой, всепоглощающей, загоняющей в тупик небытия. Но не для него. Шатен видел в ней отдушину, что могла собрать его наполненный и треснувший сосуд, но при этом разорвав душу и каждого

вставшего на пути. Он видел чашу, осколки которой затерялись в нём, словно в земле, пуская корни своей силы.

Заговорщический шёпот закладывал уши, отдаляя Луи от окружающего мира. Вязкая пелена застилала глаза, рассеивая вид точёного лица. Его грудь беспомощно каменела, а в голове звучали отдаляющиеся шаги, шаги их последней надежды, что медленно отворачивалась от небес. Затуманенное сознание рисовало свои картинки, погружая непризнанного в ложную реальность, где он тенью преследовал идущего.

Голубое небо скрылось за острыми скалами, высокие покрытые мхом статуи склонялись над озером. Женский плач окружал его со всех сторон, но не долетал до щели сверху и растворялся в каменных стенах. Плач перерастал в истеричные рыдания склонившегося над озером ангела. Пока её бледные, покрытые трещинами руки сжимали землю, загоняя ощутимые комки грязи под ногти, в голове непризнанного слышался голос, такой назойливый, такой требующий, но всё внимание было сосредоточено на ней. Вместо белых крыльев со спины торчали рубцы, обнажающие плечевые кости и дельтовидные мышцы, с которых сочилась кровь, марая и без того запачканную одежду, а плащ, скрывающий её тело, рвался по швам. Томлинсон стоял, не двигаясь, боялся даже вздохнуть. «Не убивай его, слышишь, — содрогаясь от рыданий женщина взглянула туда, где скрывалась тень парня, видя его насквозь, видя того, кто скрывался за ним, — он не заслуживает смерти». Чужой голос начал звучать всё громче, но он был не в силах отвести взгляд от светло-серых глаз. Она зарыдала громче, переходя на крик: «Я утоплю тебя и твои небеса в вашей же крови, если ты его убьешь!» Её руки зарывались в землю, а от голоса закладывало уши, и, словно поражённый сущностью таящейся за спиной, Луи упал на колени, подражая позе женщины. Его руки двигались машинально, стараясь отогнать режущий слух звук, который становился инородным для этого каменного мира. Он тянулся к ангелу, подобно тому, как маленький ребёнок тянется к матери. Он пытался схватиться за неё, притянуть к себе, но стоило пальцам коснуться ткани плаща, как женщина замерла, а вместе с ней на лице замерла гримаса всепоглощающей ненависти. Закаменелая статуя, чьи страдания запечатлелись на века.

Cause two can keep a secret

If one of them is dead

Грубая рука одёргивает Томлинсона за истерзанное плечо и оставляет на экипировке липкий след грязно-кровавой смеси. Собственный крик бьёт по барабанным перепонкам, вырывая из туманных иллюзий. Слабовидящим взглядом он косится вбок, на ощупь пытаясь скинуть чужую руку, пока, в какой-то момент, вторая рука держащего не хватает крылатого за шею, прислоняя его едва ли не к самому лицу. Алые глаза оказываются перед голубыми, от чего непризнанный облегчённо вздыхает.

— Зейн.

Ноги парня беспомощно барахтаются в воздухе, а расправленные крылья свисают вниз, пропуская дуновения ветра сквозь перья.

— Не верь ему, Луис, — демон крепче подхватывает парня.

— Он... Я... — язык заплетается, а рот открывается в немых словах, — Он показал мне, — Томлинсон взмахом подымает крылья, хватая теперь уже Малика за броню поверх кофты. — дал почувствовать.

Луи смотрит на правителя Ада широко распахнутыми глазами, слезящимися из-за обдувающих

их порывов. Но Зейн молчит, молчит, как и раньше, когда дело касалось чего-то большего, нежели простого ребячества между ангелами и демонами. Он был сыном самой преисподней, а огонь искрящийся в нём, мог погубить города, но он молчит, оставляя держащего его парня едва ли не биться в истерике. Малик не был любителем жалких людских эмоций: когда испуганные, они плакали на коленях в церкви, моля простить их грехи, но сейчас он знал, если позволить Томлинсону думать эмоциями, тот спасётся. Непризнанный на то и непризнанный, чтобы поддаваться ещё людским чувствам и слишком много думать, но в этом и есть его восхождение над другими. Горе от ума, как привыкли говорить люди, но только не в мире, где погибают глупые, слепо верующие существа, коих признано считать помощниками Шепфа. У самой Цитадели были мозги, мозги умеющие думать наперёд и поработать слышащих. Но Луис не был тем, кто слушает, он был тем кто слышит и думает, что сейчас и позволяет ему делать старший.

Но не успевает шатен и рта раскрыть, как обоих сносит ударной волной темного сгустка энергии, приближая к земле с неимоверной скоростью. Их душит тяжёлый, вязкий воздух, воцарившийся вокруг. Это напоминает секреты рухнувшей башни. Их гниль, запах, пропитавшейся ею, запах от которого воротит живот, пробуждая рвотные позывы, и Луису кажется, что если сейчас он не сделает глоток свежего воздуха — выплюнет собственный желудок.

Томлинсон обеими руками хватает скользкие кисти Зейна, распахивая крылья против ветра, что дует противоположно их падению, трепая засохшие от пота и крови волосы. Порыв воздуха вздёргивает их вверх из-за чего непризнанный едва не выпускает демона из рук. Он жмурится и подтягивает парня, хватаясь выше предплечья, глуша зажатыми зубами собственные болезненные стоны. Голубые глаза теряли всю чёткость от скопившихся слез. Они текли так же быстро и сильно, как кровь из вновь открытых ран плеча. Жидкость стекала вниз, заливая кожаную броню рук и голые ладони от чего становилось практически невозможно удержать скользкие запястья демона. Сейчас повисшее тело было тяжёлым грузом и подвергало бóльшей вероятности нападения птиц. Грязная фигура болталась в воздухе, пытаясь крепче ухватиться за шатена, и расправить крылья, пока держащий, сквозь слёзы, высматривает в воздухе нападающего. И он находит.

Зелёные глаза, смотрящие в ответ, вспыхивают лишь на мгновение, а затем тускнеют, словно взгляд проваливается в никуда.

— Зачем ты здесь?

Мужские руки хватают ладони парня, помогая сонному телу вылезти через раскрытые створки окна. Крыша встречает холодным ветром, что раздувает стороны запахнутой мантии и открывает вид на бесчисленные синяки.

— Ты знаешь зачем. — казалось, взгляд Луиса заковали в цепи глаз собеседника, не позволяя ни отвернуться, ни закрыть веки. Сын ангела и демона стоял на расстоянии вытянутой руки, не шевелясь, не маня, а просто наблюдая.

Ведомый каким-то непонятным чувством Томлинсон первый делает шаг к заклятому врагу небес. Босые ноги ступают по мансардной крыше пока руки по новой запахивают накидку: — Ты не видение.

— Нет, не видение. — рука Гарольда замирает около открытого, благодаря коротким рукавам мантии, плеча, от чего Луис кожей чувствует тепло, исходящее от мужской ладони. — Я должен был прийти. Чувствовал, что должен. — резко отворачиваясь, бессмертный опускается

на самый край крыши и поджигает ноги в подобие позы лотоса.

— Почему ты не боишься? Если я в видении могу причинить тебе боль, то в реальности тем более способен на это. — брюнет вытягивает раскрытую ладонь перед собой, выпуская в воздух тёмный сгусток дымки.

— Если бы ты этого хотел, то сделал бы больно пока я ещё спал. — непризнанный садится рядом, держа небольшую дистанцию. — Ты убил меня людского, и даже после этого у меня нет страха перед тобой.

— Я был тогда сосредоточением всего тёмного, что было во мне, а ты был каким-то смертным, которого я никогда не видел. Вы все были для меня лишь пешками, убив которых, я в силах поставить шах и мат королю. Всё просто.

— Ни Зейн, ни Барбара с Диланом, никогда не встанут на твою сторону. Никто из компании не встанет. — Луи дёрганым движением поправляет волосы, смотря через окно на спящего, ничего не подозревающего, Найла.

— А ты?

Такой короткий вопрос, но такой тяжёлый ответ. И сейчас будущий ангел думает не о том, поддержит ли он Гарри, а скорее о последствиях, которые могут произойти. Зеленоглазый был выращен на мести: его родителей убили за защиту собственного ребёнка, а сущность мальчика разделили пополам, заточив на несколько веков, где каждая его часть росла под чётким присмотром Цитадели. Над парнем, которого он выпустил из башни, преобладало тёмное «я» с именем Гарольд, из-за которого сам Гарри не был тем бессмертным, который смог бы принести равновесие, несмотря на правильность его идей. Личность ведо́мая местью. Война доставляет ему удовольствие, и это единственное, что не давало покоя непризанному. Отместка не приводит ни к чему хорошему.

— Я верну Гарри.

Старший, разглядывавший до этого стены башни, которые являлись его вековой тюрьмой, резко, будто насилиу, отворачивается, смотря уже в голубые глаза.

— Гарри не был полноценным и его не вернуть, потому что тот никуда не уходил. — он опустил подбородок, но голову не отвёл, продолжая смотреть с подо лба перед собой. — Я и есть Гарри, и всегда им был. Тебе пора смириться.

— Тогда зачем тебе я, который не может сжиться с мыслью о полноценной сущности? Зачем тебе тот, кто может в любой момент встать против?

— А ты можешь?

— Гарри бы это не понравилось. — тихо признаётся непризнанный, отводя взгляд.

Ночной ветер продувал локоны длинных волнистых волос, трепал перед глазами выбившуюся из-за уха прядь. Гарри такой, Гарри сякой, Гарри это, Гарри то! Все только и говорили о бедном мальчике из башни, пока другой мальчик, где-то в отдалённой местности пещер, рос под гнётом злобы, ненависти и порабощения. Гарольд рос под крылом мрака самого создателя, скрытый от шанса на новое начало. В нём не осталось ничего от человеческих чувств, он словно был тенью ничего. И после, с появлением трактата о Маль-бон-те, как его окрестили, скрывая имя, он стал бесовским исчадием, а его родители — предателями всего небесного.

Мгновенная кара на руках ребёнка. Без суда и разбирательств. Таковой была высшая степень наказания Шепфы.

— Несколько веков назад в этих окрестностях был город. Красивый город. Я, будучи свидетелем его создания, видел, как был заложен каждый кирпич в домах, но также я видел и его разруху, видел, как от гнева Шепфы он разваливался на глазах. Моя сущность стала причиной краха целого города, поэтому ты должен знать: впереди война, — бессмертный подымается на ноги, поправляя надетые штаны. — ты можешь умереть. Возможно даже от моих рук.

— Ты так спокойно об этом говоришь. — Томлинсон встаёт следом, а его стопа поскальзывается и не находя опоры, теряет равновесие, склоняясь над пустотой, но мужские пальцы, хватают одежду, не давая упасть.

— Я убил тебя, но подарил бессмертие. — Гарольд ставит непризнанного на ноги, — Людская жизнь ничего не стоит, потому что она — как пробник перед чем-то большим. — рука аккуратными движениями разглаживает помятые от хватки места, подымаясь выше. — И всё же я прошу прощения. Прошу прощения за каждую смерть по моей вине, что ранила тебя. — ладонь замирает на уровне впалых щёк, легко касаясь лица и скользя дальше по подбородку. — И если так выйдет, что мы столкнемся в схватке, прости меня уже сейчас за твоё убийство и убийство других, кто встанет на моём пути. Потому что это война.

Луи чувствует как морок, исходящий из руки Гарольда, касается его кожи, холодной дымкой обдавая лицо. Она окутывала лоб, не спеша опускаясь на глаза, но не закрывая вид сосредоточенных глаз, что смотрели в никуда, позволяя тёмному сгустку поглощать зеницу.

— Если планируешь убить меня, убей сейчас, пока я не принёс тебе ещё больших проблем. — хмуря брови от услышанного, парень хватая застывшую в воздухе ладонь, сжимая её в кулак. Он не позволит запоминать себя подобным способом, будто его судьба уже решена. Какими бы не были Гарольд и сопровождающие мотивы, Томлинсон пообещал сделать всё, дабы отгородить бессмертного от мести создателю, иначе зеленоглазый станет красивым мёртвым небесным существом.

— Пока ты здесь, ты — мой враг, но я не стану тебя убивать. Не сейчас. — отшагивая назад, Гарольд опускает окутанные дымкой кулаки, в которых был запечатлён образ непризнанного, переводя взгляд куда-то за линию горизонта. — Моя армия готова к нападению, и если ты не выберешь сторону до нашей встречи на поле боя, то её выберу я...

— А-А-А-А!

Крик, звенящий от высоких нот, но едва различимый среди всей какофонии, пронёсся в небе. Давно зародившееся чувство боли расширялось изнутри, не щадя телесную оболочку. Раскрыв рот и жмуря глаза, он безмолвно выл. Кожа брони была замазана не только кровавыми струями, но и солёными каплями, что со временем обращались белыми пятнами, оставляя после себя влагу. Непризнанный позволял слезам стекать по лицу, стирая мокрыми дорожками всю пыль. По новой засохшая на ладонях жидкость покрылась паутинкой небольших трещин в следствии чего становилось тяжелее держать повисшее тело. Кожу стягивало от сухости.

Не так давно небесный учитель говорил ему о том, что выбор порождает страх, а страх — страдание. Страх ошибиться в правильности выбора заставляет мучаться, но, когда нет выбора, нет и страданий. И как Луи сожалеет о том, что не смог научиться этому до смерти наставника, ведь тогда, возможно, он бы смог спасти и его.

Металлический запах стылой крови и гниения, не покидающий нос, пробивал на слёзы пуще

прежнего.

— Не могу, Зейн. — Луис, жмуря красные глаза, мотает головой в отрицании. — Не могу.

Томлинсон больше не мог назвать себя невинным: его душа прошла все небесные муки и продолжает проходить, только он всё так же оставался непризнанным, а едва здравый разум ещё теплился внутри.

— Можешь.

Гарольд не давал и не брал никаких обещаний от чего было невыносимо думать о возможности дальнейшего хэппи-энда. Хотя бы для них.

— Нет, не получится. — с адской силой ладони сжимали выскальзывающее из захвата руки. — Ноша тяжела, разум не выдерживает.

В голове время проносится с бешеной скоростью, а на деле капает, как вода из неплотно закрытого крана. Они парят в небе, окружённые сгустком боли, смятения и страха. Один не в силе сделать выбор, другой не в силе поверить в сокрушения товарищеского мозга. Младший всегда был движущим звеном. С момента попадания в школу, он без метаний принял суть выживания. Новое рождение, сводило с ума, но Томлинсон будто был готов принять всё безумие небес с первых миллисекунд, словно будучи уже сумасшедшим. Теперь же, наблюдая изнеможения бедного разума от пережитых кошмаров, Зейн пришёл к главному для него выводу.

— Отпусти меня. — ветер обдувает тело, гуляет под броней и в волосах, унося сказанное вдаль.

Глаза держащего округляются в немом возмущении. Не взирая на все разногласия и шрамы, оставленные друг другу, Луи бы ни за что не отпустил нуждающегося в помощи, а Зейн был таковым. Тьма разорвала одно из его крыльев, сломав кость на сгибе, которая, в свою очередь, прорвала защитный слой оперения и теперь торчала надломом наружу. Кровь, текущая не только из плеча непризнанного, но и из крыла будущего правителя ада, обволокла перья липким слоем, склеивая каждое второе между собой. О боли, текущей в бессмертном теле, можно было только догадываться.

— Отпусти руку, Луис. — кареглазый разжимает сжатый в одной руке клочок одежды, провисая более тяжёлым грузом. — За двумя зайцами не угнаться, а ты всё пытаешься. — оставшаяся рука до сих пор находилась в капкане цепких пальцев.

— Я не позволю тебе упасть, слышишь? Ты даже в воздухе продержаться не сможешь, — Томлинсон крепче подхватывает Малика. — сразу камнем вниз пойдёшь!

Усталая голова склонилась ниц. Агония от сломанного крыла волнами колыхалась в теле, унося собирающееся крупными оскоками сознание, а запах... Он отроду не слышал такого затхлого воздуха. Вонь, проникала через дыхательные пути, заполняя собой мешки под названием «лёгкие». Казалось, сама смерть притворилась ветром, забирая холодной дымкой души умерших на поле боя. Теперь же, она гуляла между ними, и даже восходящее солнце не могло скрыть её гниющее присутствие.

— Ты единственный, кого он подпустит, — ледяной морок ощутимо скрутил солнечное сплетение, тревожа скопившуюся в желудке жёлчь. — и если выбор для тебя столь тяжёл, то предоставь его мне.

Тянувшееся до этого время пришло в действие бомбой быстрого действия. Грузное тело дёргает Луиса вниз, который, не успев уловить ход действий, позволяет вывернуть не только скреплённые в замок ладони, но и пальцы, впившиеся в руку. Боль с новой силой проносится по телу, сковывая горло и сопровождаясь характерным звуком хруста костей. Не успевая вдохнуть от новой волны боли, его накрывает другая, что амплитудой, словно стрелку маятника, откидывает непризнанного назад, спасая от более удручающей участи.

Чёрный сгусток, в миллиметрах пронёсшийся вскользь отлетающей фигуры, направлено попал в уже падающего демона, унося тягостью мрака бессознательное тело.

Мышцы живота содрогались в спазмах, выкачивая наружу желудочный сок. Дыхание застыло не собираясь возобновляться, оставляя Томлинсона давиться смесью. Припадок от силы дьявола сокрушал тело, сковывая конечности в неисчислимых судорогах. И он бы действительно испугался, если бы подобный трюк, как любил называть его Зейн, случился впервой.

Непризнанный, подобно рыбе, хватал ртом заолоделый воздух в одночасье закашливаясь от горечи. Он терпеть не мог эти фокусы, но и неблагодарным не был, ведь в таких проделках боли было грамм.

По мере поднятия ввысь за фигурой в облаках, дождливое небо приобретало новую палитру, перетертую с россыпью звёзд, а воздух становился чище, оставляя костлявую внизу разгуливать одной. Ей плохо от небесных людей, как и ему. Буйные ветра остались позади, напоминая, что сдаваться нельзя. Никогда до этого он не поднимался на такую заоблачную высоту.

«У меня с тобой нет идентичного чувства одиночества, но есть единство:

часть моей души принадлежит тебе, а часть твоей — мне. Прими это и перестань лепетать о ирреальности происходящего.»

— Да почему ты такой глупый? — промёрзлые руки хватают за лохмотья разорванного рукава, притягивая ближе. — Что ещё с тобой нужно сотворить, чтобы наконец дошло — гоняться за мной клыки маловаты.

Кровавые следы на молодом, болезненно бледном лице Гарольда, убивали. Оставалось молиться на целостность оболочки бессмертного и принадлежность алых брызг иным существам. Однако, кому молиться, когда война против создателя.

— Ты говорил мы схожи, а это значит, что клыки под стать твоим. — собеседник напоминал сорвавшегося с цепи пса. Плавающие злобой глаза, говорили сами за себя.

— Чего ты хочешь, Луис? — крылатый прячет руки за спиной, безмолвно уверяя в доверии. — Мне думалось сторона была выбрана, но ты продолжаешь преследовать. Какова цель?

Самому хотелось бы знать. Он распят между двух огней, где исконно ни одна из сторон не заинтересована в признании другой. Томлинсон никогда не скрывал собственные мысли ибо это — единственный способ быть услышанным. Чем громче думаешь, тем больше видимость. Но кладезю его намерений служил колодец в тысячи метров, и при таком раскладе оставалось только кричать. И он кричал.

— Чья кровь? — кивком головы указывает на лицо, прижимая выкрученную руку к груди.

— Вопросом на во... — Гарольда обрывает голос собеседника с холодными нотами стали, требующий ответить на вопрос и изнемогающий в желании знать ответ.

— Как ты заговорил. — вражеские крылья с угрозой делают очередной взмах, вкладывая недовольство в порыв ветра.

Губы безразлично двигаются в ответе.

— Командир Крылолётчиков.

Осознание пришло слишком быстро: это были не птицы...

— Знаешь, Томлинсон, — зеленоглазый лениво отклоняет голову назад, открывая новую зону для атаки. — на протяжении всего времени я считал тебя и твои действия разумными, но сейчас предо мной загнанное создание. Ты походишь на кролика, что мечется в ворохе снега.

Непризнанный заходится в очередном приступе кашля, выпуская изо рта горьковато-прозрачные капли.

— Ты ранен, толком не сражавшись, и силён не за свои заслуги. — язык, подобен змеиному, обводит кленовые губы. — Но при этом, каким бы тебя не считали, ты — чудо небесное, заслуживающее жизни. И когда другим не дано услышать твои замыслы, их слышу я. Потому спрошу ещё раз. За чем ты гонишься, сокровище?

— За тем, что принадлежит мне. — он присваивал Гарри, как вещь. Было тошно и мерзопакостно, только по-другому никак, да и как, когда сам Гарольд овладевал Гарри. — И я не отступлю.

— Знаешь, иногда чувство привыкания к чему-либо является более губительным, нежели чувство полного отторжения, — бессмертный большим пальцем проводит по щеке, стирая кровь, но добивается только размазывания. — Может потому то тебя и поддерживает только один из тех, кого ты мнишь друзьями?

— К чему это мне знать? — Луи опасно отводит здоровую руку к портупей на бёдрах, едва касаясь пальцами закреплённого на ней мешочка.

— Да к тому!

Гарольд — мальчик привыкший к поглаживанию против шерсти, взращённый монстр в оковках четырёх стен, и действовал он, как полагалось. Больно и резко.

Прикосновение мозолистых от оружия рук ко лбу вызывает всплеск свечения. Луису кажется, что скоро желудок стошнит от подобных сил энергии, проходящих сквозь тело. Такое зрелище для усталых глаз — ярче, чем солнечный свет. Под зажмуренными веками мерцали зелёные искры.

Поглощённый обессилением, как безумием, Томлинсон смотрел на собственные колени, что врезались в неровности пола. Всё произошедшее за последнюю ночь, превратилось в жгучую жёлчь. Она ползла по пищеводу, вырываясь изо рта хлюпающим потоком. Его если не разорвало, то точно вывернуло наизнанку.

Плесень ползла с пола на стены, заполняя своим гнилым запахом комнату. Бактерии плодились в углах, пауки обживали потолок каменной коробки.

Запятнанная ладонь, ложится на подрагивающее плечо. Пальцы, подобно паучьим лапкам, ползут вдоль шеи, задевая вставшие от отвращения волоски. Цепким хватом на загривке, Гарольд поднимает голову непризнанного вверх.

— Ты как? — вопрос невзначай. Совершенно нелепо для бессмертного.

— Нормально.

Какой вопрос, такой и ответ.

— Куда мы попали? — дрожащая рука тянется ко рту, вытирая лоскутом кофты липкую слюну, тонкой полосочкой свисающую с губ.

— Абстрактно говоря, ты находишься в моем сознании, — пальцы сместились к краю воротника, одним движением вздёргивая Томлинсона на ноги. — а я, как искусный фокусник, показываю скрытые от тебя события.

Непризнанный не решается озвучить следующие мысли вслух, но кажется ещё парочка таких трюков и он упадёт замертво.

Леденящие объятия темноты окутывали камеру, отнимая попытку на концентрацию взгляда, который, по итогу, уставился в никуда. Не видно было собственных конечностей. Стена, где, предположительно, должно размещаться маленькое окошко, стояла подозрительно цельной. «Заделана магией», — подумалось Луи.

В потере контроля, он уповал на связь с мальчиком из башни, как на единственный прочный якорь, держащий его на цепи. Мистическая связь крепла с каждым днём, прошедшим после первой встречи, и Луи, как несостоявшегося историка, интересовало почему, но единственным пониманием было то, что смерть — давняя подруга, пристраивавшая Гарольда. Но медленными шагами она становилась и его компаньонкой. Что делать с этим — не знал. Гарри нужно было спасти от неё пропорционально, как и себя. Давней подруге не нравилось вмешательство нового друга.

Нужно только убедить нестабильного Гарольда в их, как казалось Луису, истинной связи.

За каменной коробкой слышалось шуршание крыльев; сердце будущего демона встрепенулось и в какой-то нелепой надежде он посмотрел, как ему казалось, в сторону Гарольда, но, не обнаружив его, вернул взгляд к двери, втягивая носом гнилой запах пространства.

Ожидающего света после щелчка замка не последовало. Мрак ночи остался всё таким же непроницаемым. Изменилось одно — количество находящихся внутри.

— Я и не надеялась на ваш приход. — вонь от серы разлетелась по комнате в следствии щелчка пальцев, что повлёк за собой зажжение факелов в пределах камеры.

Покрытые сухой коркой пальцы соскользнули по неровной поверхности, царапая подушечки. Выпученными глазами он смотрел перед собой, боясь сделать вдох. Внутри до сих пор маячила колкость от гематом, оставленных весом птицы из грота, но ощущения тягости самой души подкашивали пуще всякой боли.

В попытке улизнуть от представшей картины — угрождает в стальной захват. Его прижали к груди, выбивая застывший в лёгких воздух.

— Смотри.

Ухо обдало горячим дыханием, а одна из рук сместилась на подбородок, крепко сжимая шершавыми подушечками.

— Что происходит извне? — в полном неведении девушка ведёт головой на звучащие цепи кандалов. — Я слышала, как смотрители покидали башню.

Занемевшие плечи медленно двигаются круговыми движениями, довольствуясь своей свободой. Сквозь кроваво-синий цвет тонких запястий виднеются мелкие царапины, полученные коррозионным металлом.

— Субантры напали на территории близь школы, — командир Крылолётчиков делает шаги в сторону девушки и срывает кожаный лоскут, затянутый на глазах.

Ожидаемое шипение проносится по комнате.

— Совет направил солдат на защиту, а Цитадель объявила о дозволенности военных действий.

Едва видящим взглядом демонесса обводит комнату заключения, останавливая взгляд на заделанной с помощью магии стене.

— Сколько времени прошло с заключения? — подобно дикой кошке, девушка из крови и плоти вытягивается в спине. Её когти превратились в обломанные под корень ногти, но даже так в них чувствовалась былая сила дочери почившего Мамона.

— Ты провела здесь меньше трёх ночей. — ржавеющие цепи, со звонким лязгом, поддались силе небесных людей, разрывая оковы крыльев,

Что тут же раскрылись вширь.

— А Луи?

— Играет вместе с Серафимами в «кто лучше солжёт». — ангел отступает к двери, скрещая руки под грудью.

— Найлер.

— На носу война, Дилан. — голубые глаза вспыхивают светом, озаряя короткие ресницы. — А он, будучи единственным, кто пережил силу подобной мощности, корчит дурака.

— Это его выбор. — девушка, скалится, отзеркаливая движения собеседника, делает шаг вперёд. — Ты сам не так давно перестал быть непризнанным. Уже забыл каково это, когда с твоим мнением не считаются?

В следующий миг дьяволица ударяется об стену, попутно чуть не сбив стоящего в стороне демона. Сдавленный хрип звучит в комнате. Пальцы ангела сжались вокруг нежной шеи.

Звон металла рассекает комнату, впиваясь остриём лезвия под подбородком, пресекая порывы Луи ринуться на помощь Барбаре из видения.

— Станешь моей гильотинной?

Не дрогнув и лицом, блондин оставил пальцы на том же месте.

— Если понадобится. — в этот раз жидкостью на шее стал не пот. Свежий надрез закровоточил тоненькой струйкой, обжигая кожу. — Отпусти её.

Не слушая Спроуса, Найл противно скрипит зубами и сжимает пальцы сильнее, желая услышать хруст ломающихся костей, но в ответ был слышен лишь женский хрип. Он отступил, не закончив желаемое.

— Луису, как ни крути, придётся убить Гарольда, даже во спасение того. — оторванный лоскут одежды уже красовался на шее, скрывая порез. — Это дело времени.

— Он выбрал сторону, Найлер.

Секундная тишина разразилась неконтролируемым смехом. Ангел, согнувшись пополам, держался за живот, скрывая глаза за свисающими на лоб волосами.

— Настолько выбрал, что, будучи в Цитадели, выдавал место нахождения лагеря крылатого с потрохами.

Тяжёлый выдох обдал ухо непризнанного лёгким порывом ветра. В попытке скрыть подрагивающие ладони, покрытые потом, Томлинсон сжал тканевый мешочек, переминая пальцами рассыпчатое в нём вещество.

— Поясни. — Дилан прячет меч в ножны на поясе, ожидая смирно на парня.

— Непризнанный ведёт собственную игру, — блондин поджигает крылья. — где пешками служат наш враг и советники.

— Да, только тебе не кажется, что у пешек ранг высоковат. — подхваченная напряжённой атмосферой, демонесса отшагивает.

— Ты бы не язвила, — пальцы неосознанно поправляют лоскут ткани. — а попробовала объяснить, как из четырёх советников выжили только двое.

— На что ты намекаешь?! — возмутилась она, — Луис спас Эрагона от Гарольда, когда тот пытался похитить ключ небес. — женский голос неприятно хрипел, будучи больше таким милозвучным.

— А после, — перебивает блондин, — рассказал второму советнику о лагере. В конечном итоге Эрагона нашли мёртвым в главном зале, а от последнего вернулся только шлем. — взмахом руки Найл обрывает девушку на раскрытии рта. — И даже если вы опровергнете мои слова, обвините в бессовестной клевете, я признаю это, так и быть, только и ты, Барбара, не криви душой. — лукавый взгляд метнулся в её сторону.

Сучий облик трескался изнутри, громогласно скуля, пока миловидное лицо густым туманом прятало отколовшиеся давным давно кусочки.

— Считаю тебя другом, у меня и мыслей не было о том, насколько ты готов прогнать. И если война для тебя означает отречение и клеветание друзей — я приму это и сыграю так же. — завершила она, первой покидая стены темницы.

«Её лицо совершенно идентичное», — Луис не уверен в реальности произнесённого, потому, оборачиваясь, он молится лишь об одном, но уловив безэмоциональное лицо, ничего не значащие слова испарилась в никуда.

Слёзы не скапливались в глазах, не скатывались каплями вниз. Казалось, что из него выкачали все слёзы. Колени ударились об пол, не в силах сдерживать вес тела на ногах. Жмуря глаза, он желал, чтобы всё оказалось порождением его травмированного смертями разума. Было бы весьма неплохо, окажись оно так. Все эти вещи: смерть, разруха, разодранные ангелы, демоны и он сам — превратятся в большую фантазию, которой не нужно объяснение.

Единственный, кто напоминал о реальности — Гарольд. Его стальной захват не давал полностью опуститься на колени, едва касаясь ими пола, а уверенность, сияющая в тёмных зрачках, доказала, что всё более чем по-настоящему.

— Как командир Крылолётчиков, Дилан, я поведу их вперёд. — в голосе ангела чувствовалось что-то неподвластное, что-то превратившее кожу Луиса в гусиную. — Даже если жертвы будут неизбежны, даже если они будут касаться вас, — лучше ослепну от смерти, нежели встану на сторону врага. — казалось, через него молвил сам Шепфа.

Дверь осталась распахнутой, холодя и без того ледяную комнату. В голове не было ни одной связной мысли — смесь из каши и мозгов. Лишь одно решение било водопадом о камни из выводов.

Хватит с него параллельных реальностей.

Зажатый между телом Гарри и мёртвым хватом, Луи чудом умудряется ударить наотмашь, задевая открытый бок. Было бы у него больше гибкости — пустил бы вход и зубы. Бушующая паника отступила, призывая разум к действию. Луис выдыхает весь воздух, обмякая в руках держащего тяжёлым булжником, заставив их разомкнуться. Не медля пальцы сразу же сорвали с ремня что-то мягкое, как лён. Последующий удар пришёлся куда-то под дых, задыхающимся от рассыпанной из мешочка пылицы Гарольдом.

Воссозданная иллюзия прошлого зарябила блеклыми цветами.

Вернуть контроль телу вышло быстрее, чем в прошлые разы обучения этой уловке. Он шевелил пальцами, посылая импульсы по телу. В целостности костей сомнений не было, но страшная тяжесть навалилась с бухты-барахты. Ткань экипировки вновь зажали в кулаке.

Луис едва ли не пискнул.

На него смотрели два ярких изумруда и каждый их блик являл собой кристальную чистоту. Будто больше не существовало устрашающего его.

— Гарри. — шокировано выдыхает.

— Я... Не... — несвязный лепет срывался с губ, а зелёные глаза утопали в переполохе. — Не хотел... Это не... — Гарольд пытался вымолвить через неконтролируемое дрожание губы, что не хотел произошедшего. Не хотел смерти советников цитадели, не хотел развязавшейся между ангелами и демонами войны, не хотел причинять боль Луи, но речь застряла в груди, когда тонкие руки заключили в объятия.

— Всё хорошо, — он бережно гладил его спину, поддавшись наплывшему приступу нежности. Другая рука прижимала голову к плечу. — Теперь ты со мной, слышишь? Главное, что ты со мной и ты не он. — Луис оглаживает пальцем щеку, после вновь прислоняя к себе.

Этого было достаточно. Всё это время он слушал, боясь сделать неверное движение. В его руках кристально чистая душа, не запертая под барьерами разума из колючей проволоки.

Луис едва дышал от усталости и не щадящей близости. Душа ликовала, разрываемая эмоциями. В его глаза били проблески дождливого рассвета, солнце не спеша восходило над тучами, как предзнаменователь — они пережили ночь.

Нежданно мгновение передышки взорвалось дисгармонией звуков и мыслей: разочарованный выдох, шум ветра, уносящий дыхание и отголоски битвы, продолжавшейся под ними. Но самым громким среди всех оказался звук разрывающегося чавканья, с которым холодное лезвие вошло под нижнее ребро. Первым, что сковало тело было оцепенение.

На фоне зелёных глаз приобретающий новые краски рассвет больше не казался таким ярким.

Гарольд опередил его.

— У тебя слишком двуликое сердце, сокровище, — разгоряченные ладони комкают ткань на спине, рот наполняется металлом. Пытаясь вдохнуть, Луис размыкает губы, вместо этого надувая пузырь из крови и слюны. — Но единственное в чём оно право — я не он и он не я. — горящее злостью лицо наклоняется к нему, вцепившиеся в тело пальцы грубо отдираются. — Мы едины, и я устал об этом повторять. — нож с таким же чавкающим звуком выходит из тела.

«—Попытка не пытка, пытка не попытка», — так говорила мать, так говорит и сын.

Лёжа на земле, он едва мог дышать, давясь скапливающейся во рту кровью. Сквозь стиснутые на боку пальцы жидкость сочилась наружу, обмазывая почву под раненым. Парализовавшую тело боль невозможно было унять, отчего очередной приступ содрогает тело, выталкивая из раны новую порцию. Покалеченные им же самим крылья зажали в неестественной форме между спиной и грунтом. Кожа под перьями горела, но больше всего болели уши. Ещё и эта пыль — приходилось через силу давиться грязью, поднявшейся от удара в небо.

Так не должно было случиться, но случилось. Луис ненавидел себя, корил за заминку, случившуюся из-за эмоций, но и оспорить не мог радость о том, что Гарольд оказался на шаг впереди.

У него свои планы на этого мальчика. И сторона, которую выбрал, у него тоже своя.

Босые ступни приземляются на землю вслед за непризнанным.

— З...л? — откашливаясь жидкостью, Луис повернул голову набок, наблюдая измазанные смесью из земли и пыли ноги, приближающиеся к нему. Через приоткрытый рот он позволял вытекать кровавой слюне по щекам вниз.

— Зол ли я? — склонённая набок голова, сведённые брови и взгляд чистых изумрудов делали, в некой степени, из чудовища невинного и невиновного ребёнка. Но Томлинсон раз уже обманулся, оказавшись во власти эмоций, больше нельзя. — Нет. Скорее разочарован, но никак не зол.

Тяжесть собственного веса давила на позвоночник, пригвоздив этим тело к промокшей из-за дождя земле.

— Пож...луйста, нет!

Слабой потугой шатен дёрнулся к сжавшей ногу руке, в тот же момент возвращаясь в исходное положение, пачкая волосы в грязи и пытаясь, буквально, вдавить пальцы в открытую рану. Всё, что оставалось — просить.

— В некой степени мне тебя даже жаль, — Луи дёрнулся, когда другая рука легла на портупею, срывая с неё оставшиеся мешочки. — и я бы мог простить всё. Кроме предательства. — замочек ремня щёлкает, освобождая бёдра — Ты знал это и всё равно предал.

Пусть Гарольд и рос среди чудовищ, пусть он и был возвращён ими, но его аномальное чувство преданности шло из глубин двух личностей, из памяти о содеянном над ним судом, это уж Томлинсон успел проследить за время общения с Гарри. Он был предан Шепфе и Шепфой предан был.

— Я не желаю тебе зла. — голос слабел на глазах, подводя владельца.

— Ты уверен? — откидывая полы кофты, Гарри открывает вид уже на его портупею, прикрепленную к ноге, для скрытого ношения оружия. — Я вот теперь нет. — лицо горело фанатизмом, который непризнанный уже видел и знал, что остановить его теперь фактически и практически невозможно. — Зато я уверен в том, что должен ответить тебе твоей же разменной монетой.

От случившегося несколько мгновений назад удара горели лёгкие. Казалось, будто они больше не в состоянии обменивать воздух. Мерзкая влажность скапливалась под его спиной, пропитывая оставшиеся лоскуты кожаной брони насквозь.

— Тогда, на крыше, я не шутил, говоря о том, что убью тебя и любого, кто окажется для меня врагом. — оголяя в руке принадлежавший Луи нож, он склоняется над ним. — И пусть я после буду сожалеть о содеянном над тобой, но это будет после и без тебя.

Неприятно кольнувшая сердце горечь голоса поразила, словно поступок Томлинсона стал последним рычагом для его решимости против себя.

— Ты даже не догад...ва...шься, что я не враг.

Всякие говорили, что с опущенными веками всегда легче принять неизбежное. И он тоже решил легче всё это принять.

Ходят слухи, что бессмертный может убить бессмертного, только если пожелает этого всей душой.

Тело сотрясало в припадке, когда ни говорить, ни дышать не в силах. Только и можешь, что ожидать, но ожидать было нечего, кроме свиста ветра и последовавшего после штиля.

Манимый непонятным чутьём безопасности непризнанный раскрыл голубые глаза, до сих пор ощущая присутствие Гарольда, возвышающегося над ним в полный рост. Испачканные ступни находились на том же месте. Разве что в более широком шаге, нежели до этого. С темнотой было проще поверить, что он успел превратиться в бестелесного духа, покинувшего тело. Желание стать свободным вело его.

Аккуратно, стараясь не растревожить утихающую боль, непризнанный поднял взгляд выше к небу.

Происходящее пробудило в нём странное желание, как тогда, при жизни, увидев он картину Падшего ангела.

Скрюченный, поддавшийся боли Гарольд держал вонзившуюся в него стрелу. Разъярённый, окутанный обидой и горечью, он смотрел из подо лба. Казалось, что напрягая все мышцы тела,

бессмертный пытался перенести боль в руки, унести её из головы и сделать чем-то материальным, чем-то, что может стереть стреляющего в одно дыхание. Но от этого лишь дрожал весь он. Пот, стекающий со лба, на уровне глаз смешивался с едва заметными слезинками, продолжая путь к шее. Лицо, способное ранить, горело не скрывающейся ненавистью, извергая всю злость в тихом рычании. Даже в таком состоянии он всё также походил на фарфоровую куклу, сквозь боль растянувшую кленовые губы в кривой ухмылке.

Мир катился в тартарары, постепенно унося частицы Луи за собой. Запах стоящий в округе напоминал о присутствии подруги-смерти. Она гуляла рядом, переходя то в одну сторону, то в другую, словно танцует и разбрызгивая капли кроваво-мокрой грязи вокруг слабеющего тела. Сейчас как никогда он ощущал связующую их силу, она тянула и извивалась изнутри, тихо молвя о чем-то неясном.

При повороте головы непризнанный едва замечает летящую в след первой вторую стрелу. Каждый третий на территории школы умел управляться с луком, но только один из них был готов встать на защиту Томлинсона.

Стоящий позади Дилана Зейн, с привязанным к тросу ломаным крылом, всем своим существом излучал силу неподвластную для остальных учеников, силу преисподней, как взял за привычку называть её Луи.

Как он мог позволить себе вновь оказаться на грани? Как он мог вообще что-либо позволить? Луис закрыл глаза, направляя голову глазами в небо. Смирившись с подобной участью, он бежал от ужаса царившего на небесах, от всех кошмаров, сопровождающих его в стенах школы, от правды об истинном нутре Гарри.

Он жалел себя, сильно жалел, но как этого было избежать, если из себя он представляет хрупкий камешек, что держится на таком же камешке, среды груды валунов.

Пока рука ветра трепала его взмокшие волосы, Томлинсон утонул в забвении, меньше и меньше давя окровавленными пальцами на истекающую рану. Безмолвно игнорируя боль буквально в каждом позвонке, он покачивал головой с едва заметной амплитудой под звуки хлюпающего грунта.

Слабое тело поддавалось захвату чужих рук, вырывая обладателя из пучины дурманящих мыслей. Малик отбросил его в сторону, едва успевая закрыть их обоих от сферы стеной из пляшущих душ, что переплетались меж собой под управлением адской силы. Стоящий в ушах гул, затмевал слова демона, а полёт отдалял от опасности.

Прокатившись кубарем Луи закричал. Из-за неконтролируемого дыхания звук выходил надрывным и, как бы сказал Зейн, неполноценным, как и сам Луис. Кровь брызнула наружу, окропляя влажную почву. Подобно рыбе, он глотал пропитавшийся медным запахом воздух, а лихорадочный румянец выступал на лице. Острая боль вернула его на несколько мгновений назад, когда подрезанный Гарольдом Томлинсон упал на землю. Казалось, что один из валунов всё-таки придавил и его, надломив крылья окончательно.

Не успев оклематься непризнанный вновь ощутил липкость рук. Они елозили по телу, хаотично скользили по лицу и комкали волосы параллельно тому, как неразборчивый шёпот звучал в ушах. Лёгкой пощёчиной разрушились утягивающие крылатого в тьму барьеры: «— Луи, ты со мной?»

— Ли...мо? — трясущаяся испачканная в грязи рука старалась коснуться сидящего рядом хотя бы пальцем.

— Это я. Привет. — быстрыми движениями он перебирал содержимое сумки, — Всё будет хорошо, слышишь? — плотный лоскут ткани накрыл его рану, как мешок с песком, затыкающий брешь в корпусе корабля. — Вот, зажди.

В последующие секунды прозвучал неожиданный для всех взрыв, придавивший ангела к Луи. Комки грунта разносились по округе, а крепкое тело, давило своим весом, на что непризнанный мог лишь терпеть, молчаливо открывая рот. Казалось, что он вот-вот душу Шепфе отдаст.

Слякоти не потребовалось много времени, чтобы осесть на землю, накрывая защищающие белые крылья тонким слоем. И даже находясь на непонятной для него самой грани, Томлинсон искал взглядом его одного, в надежде, что он был зачинщиком этого взрыва, а не жертвой.

— Прости. — промолвил Пейн, поднимаясь над телом. — Я не уверен в полной целостности твоего позвоночника, — он достаёт очередные лоскуты. — но твои нынешние крылья уже ничего не спасёт.

Пропускная сквозь звон в ушах, Луис издали наблюдал сражение двоих против одного, и в прошлых реалиях школы, он бы сказал, что это не честно, а подло, но как он может судить о подлости, если сам был уличённый в ней.

— Не смотри, пожалуйста. — ангел отворачивает голову непризнанного, прежде чем полностью выпрямиться. Обойдя его, он остановился у головы. — Я оттяну тебя в одно из укрытий, а после вернусь на поле, помогать другим.

Говоря все эти вещи, Лиам старался отгородить Луи от навязчивых мыслей, что были присущи ему.

— Я дол...жн помочь. — с последними силами он едва тянется ладонью к подхватившим его рукам.

— Даже не думай! — бессмертный удобнее сжимает ношу, начиная медленно тянуть её по скользящей земле. — Гарольд едва не убил тебя там!

Возможно, он больше не чувствовал боли, возможно, она отстранилась на второй план будучи вытесненной ощущением горячей кожи. Горло дёрло от сухости и наглотавшейся пыли, а голову разрывали звуки окружающей их войны.

— Он этого не хотел.

— Тогда почему ты чахнешь у меня руках? — его голос надывается. Тяжело дыша, он волочил ноги, хлюпая ими по лужам, стараясь не упасть и скорее увести Луиса подальше.

Сам Лиам был покалечен, покрыт непонятно откуда взявшейся копотью. На светлом лице красовались мелкие кровавые трещины, что были идентичны подрезам на щеках Барбары, но в целом Пейн был в разы целостнее Томлинсона, который уже буквально проваливался в никуда.

— Поч...му другие не нападают? — непризнанный, нехотя, едва шевеля губами, старался до последнего держаться на плаву.

— Гарольд напал же не в одиночку. У него армия из наших запутавшихся братьев и сестёр, с которыми мы вынуждены бороться.

— Только потому что они против Шепфы?

— Это война, Томмо, где каждый выбрал свою сторону, — невольно Лиам подымает взгляд, украдкой смотря на уступающего позиции возлюбленного. Не в силах наблюдать дальше, отвёл взгляд, продолжая безмолвно молиться за души заблудших и за Луи. — Шепфа тут совершенно не причём.

Словно в опровержение сказанных слов прозвучал очередной взрыв сотканной из мрака сферы, сопровождаемый душераздирающим криком. Ударная волна подкашивает ноги Пейна, заваливает набок, как неощутимую мушку. Выпуская тело Томлинсона из рук, он собирал сгустки грязи всем телом, катясь по ней.

Онемевшими пальцами Луис больше не старался уцепиться за малейшие неровности, он просто позволил опрокинуть себя на живот, хрипя на последних вдохах. Если бы всю оощутимую до этого боль можно было выжать из тела, в ней смело можно было утопиться всей Цитадели.

Открыв глаза он желал понять причину, но увидел лишь заморожённого оцепенением Пейна. Но последующая картина захватила и его, стоило только глянуть сквозь контуры профиля двоящимся взглядом. Будто сама смерть помогала рисовать.

Смотря вперёд, Лиам буквально не дышал, словно от его шумного вдоха зависело происходящее.

Подставивший себя под очередной удар Зейн не мог подняться на ноги, стоя на коленях, с неестественно запрокинутой головой. Подобно образу Иисуса он взирал на небо, истекая мраком, что несколько дней назад сочился из ладоней Гарри к лицу Луи. И последнему оставалось лишь молиться, чтобы органы будущего правителя ада выдержали под натиском проникшей в него силы.

Две стрелы чередой вонзились в тело Гарольда, но не слишком смертельно для такого, как он. И если до этого Малик, будучи не приманкой, встал на ее место, то Спроус приобрёл место палача, и дай бог ему справиться с этой ролью.

Третья стрела была наготове, целилась прямо в голову, но ей было не суждено спуститься с тетивы. Всё произошло слишком неожиданно, что шанса предупредить не оказалось ни у кого.

Во всю мочь его тело пронзил заострённый меч, выпирая остриём наружу. Без возможности упасть, лучник стоял пошатываясь, в то время как его оружие давно валялось на земле, но стоило стали покинуть его тело, Дилан замертво увалился вслед, открывая вид на окатившиеся кровью руки Барбары.

Даже зная, что за ней наблюдают, она пряталась во взгляде на тело у ног.

— ДИЛАН!

Луи никогда толком не знал, что связывало этих двоих. По словам Барбары они вместе росли, но это всё, что позволялось им знать. Потому Томлинсон мог лишь догадываться какие чувства сподвигли дьяволицу на подобное, от чего становилось страшнее. Он действительно боялся, но также и ощущал нечто новое, нечто неподвластное: тело не могло контролировать беспрерывно накатывавшую боль, и пробуждение чего-то высшего внутри стало единственным спасением.

Пошатнувшись, он перевернулся на бок, его тошнило, а в глазах всё плыло, включая его руку, с помощью которой он медленно подводился на колени. Рана, с прилипшей к ней тряпкой, истекала по новой, заливая землю под собой, соединяясь со слякотью. Трясущееся, ощущающие лёгкость пальцы неосознанно попытались схватиться за какую-либо опору, но осеклись, проехавши сквозь руку костлявой, которая, уйдя от Дилана, подседа к нему. Она всё также являла из себя неотъемлемую подругу Гарольда и если Томлинсону в конце концов, суждено умереть — он не упустит шанса утащить обидчика за собой. Он умрет, но сделает это по своим правилам.

Ближайшая живая опора находилась в нескольких шагах от него. Чувствуя разрушающую силу, непризнанный смотрел на застывшее тело Лиамы, наблюдал за тем, как лицо, исказившись под гримасой шока и потери, горело чистым отвращением, промокая под струями непрерывных слёз и каплями дождя. Никогда до этого Луис ещё не видел столь обезумевшего взгляда, и направлен этот взгляд был только вперёд: на возлюбленного, который, продолжая быть распят под силой, давился собственными органами, что ставали ему поперёк всего. Смотрел на монстра, обламывавшего торчащие из тела стрелы, убивающего его смысл жизни и, в последний момент, смотрел на предательницу, что схоже опустевшей марионетке сидела с телом на руках, утопая безжизненный взгляд голубых глаз в опустевших зелёных, обречённо улыбаясь.

— Я убью тебя!

— Лимо, нет! — прав был Зейн. Только один из всех был в состоянии сразиться с Гарольдом на равных, только тот, кто отобрал силу, сможет всё и решить.

Всё произошло настолько быстро, будто сама реальность смазалась на некоторое мгновение. Вся его рассыпчатая иллюзия разрушилась врозь. Тело окрепло, превращаясь в стальную версию слаженного механизма, который согнуть не под силу никому. Казалось, что он заглянул за ширму, что была вне пределов видимости остальных, прячущую другой мир, чей частью он являлся с неких пор, а Гарольд — с самого рождения. Неминуемый конец превратил Луиса в тайное для него же самого оружие. Первым вырвался вопиющий от боли крик. Таких неправильных и ломающихся тональностей ещё не слышали стены школы. Никто и никогда не слышал подобный голос. И не должен слышать. Ни-ког-да. Внутренний сосуд уже не мог сдерживать какофонию происходящего в душе, разбиваясь вдребезги вслед за воплем, выпуская наружу ослепительный свет, сокрушающий всё близлежащее к школе. Тысячи голосов, скрывавшихся в этом свечении, неслышно бубнили сквозь него.

Предпоследним вздохом Луиса оказался скулящий вой с попытками разодрать пальцами грудную клетку, пролезть сквозь рёбра и лёгкие, дабы достать до источника. Такого же обжигающего, как искры от дров в свете горящего камина.

Последним же вздохом оказалось нежное, едва различимое на общем фоне звуков «Гарри».

И если это был его судьбоносный конец, то он несказанно рад, что тот оказался таким ярким и пылающим прежде, чем он свалился вслед за Гарольдом, то ли замертво, то ли близко к тому.

Подобно Инь и Ян, они истлевали, отзеркаливая позы друг друга, на измученной временем земле.

* * *

Стоя у окна, Серафим наслаждался минутной тишиной, в которой буйство нового «я» звучало громче, прежде чем та разрушилась лязгом кандалов о каменные плиты. Звук направлялся

вслед за ногами ступающего, затихая у кровати, уступив место шуршащим простыням.

Прошлая жизнь до сих пор отражалась бликами воспоминаний в клетке черепной коробки, и жить так невыносимо, но он был из тех прокажённых, кто жил.

Его любовь, сломавшая ему собственные крылья, вновь сидела в заперти четырёх стен, пугливым беглым взглядом окидывая каждую из них. Всепоглощающая боль, тонущая в пучине горечи, отображалась в изумрудных глазах. Под натиском гнетущих мыслей тело горбилось в попытке скрыться, сделаться незаметнее, повторяя заученное на протяжении пятидесяти дней движение.

— Не молчи, Гарри. — ленивое полудвижение головы в сторону бессильного. — Я хочу слышать твои мысли. — руки, заведённые за спину, удобнее устроились под новыми крыльями.

Но тишина продолжала затягиваться под терпеливый вздох ожидания.

Страх превышал все его силы, но сильнее всего пугала стеклянная пустошь в любимых глазах. Потеряв часть себя, брюнет с тоскливым сердцем молился, дабы не потерять последнее, что у него осталось. Уныло подымая уголки кленовых губ, бессмертный рассматривал каждый из своих худых пальцев. Извне беспрерывно лил дождь, похожий на тот, что давали ученики школы, называя его очищающим. Возможно и сейчас этот холодный ливень проливал Шепфа, омывая вечные земли.

И Гарри хотелось радоваться, что тот не забыл своих детей, но всё было совсем не так, от чего счастья не прибавлялось.

— Ты изменился. — бесконтрольно голова сильнее вжимается в плечи. — Я больше не чувствую прошлого тебя.

— Серьёзно? — впервые за долгое присутствие, ангел обратил взгляд голубых глаз в его сторону. — Я пережил войну, — накидка, скрывающая статную броню, зашелестела с движением ног, — весь её кошмар и ужас, окутавший нас. — приближаясь к кровати, он возвышался над скрюченной фигурой. — В конце концов, я пережил предательство любимого. — насильно подняв пальцами подбородок, он взглянул на лицо, — Ты же помнишь, Гарри, как вонзил в меня нож? — черти заплясали тенями в глазах. — Вижу, что помнишь.

Слёзы горячими струйками потекли по щекам.

— Это не война Лу, это ты сам.

Спрятав ноги в длинных штанинах, закованный мальчик оплакивал невидимую для себя потерю. Этот некогда нежный и чувственный бессмертный больше не был его Луисом. Кто-то другой, до боли знакомый, но не его. Зажатый в тисках рук Томлинсона, Гарри извивался, рыдая в холодную сталь брони. Он мог возражать, отрицать, кричать в прочную, непробиваемую стену, которую нынешний Луи являл собой, но в итоге разбиваясь об неё всем нутром.

— Прощу. — прошептал заключённый, подымая взгляд.

— О чём, сокровище? — напущенно нежный голос окутал комнату.

Это крепкое тело. Грубые руки. Даже температура этого существа отличалась от температуры его Луи. Но почему он продолжал искать в нём того непризнанного? Потому что тот освободил

его? Потому что вскрыл все тайны школы и души, закрытые под семью замками, до конца оставаясь с ним? Поэтому он продолжал искать?

— Убей меня.

Чужие глаза, нахмутив брови, с отторжением смотрели на плачущего. «Пожалуйста», — очередной раз прошептал крылатый, но в ответ только лишился опоры из объятий, заваливаясь набок под неустойчивостью мягкого матраса. Пряча истерику в длинных волосах Гарри тянул трясущиеся руки к сползающей с кровати мантии, хватая ее тонкие края. Потеряв какой-либо контроль он взмолился, завывая. Давясь всхлипами и слезной жидкостью из носа, что попадала на его губы, а после в рот, он просил о смерти, ведь именно её и заслужил. Напирая на доводы об убийце, о том, что он второе «я» монстра, Гарри хватался за Луиса, желая своей смерти. Тяжесть воспоминаний неподвластна неполноценной душе.

Падая с кровати на каменный пол, ангел продолжал просить, горбатясь под величием юного советника.

Если Шепфа всё же слышит своих детей, он услышит и его слова, пусть даже они будут самыми скверными, но очень искренними.

Но он снова кричал в никуда.

Горячая рука обжигающим ударом прошла по лицу, прижимая к кирпичам стены и утешая в ту же секунду.

— Ты ведь сам просил спасти хотя бы часть тебя. — тонкие пальцы коснулись горящего места, невесомо поглаживая.

Самообман развеялся.

— Да и не убийца ты вовсе. — другая рука по прядке убирала налипшие на лицо волосы.

— Я чуть не убил Найла, — осипший голос растворился в расстоянии их лиц, — я собирался убить Зейна, раздавить его изнутри. — зелёные изумруды спрятались под мокрыми ресницами. — в конечном итоге я убил Дилана и многих, ни в чем невинных, братьев и сестёр.

— Дилан умер только потому, что был предателем: он встал на твою сторону, а Барбара, как верная дочь, устранила угрозу. — голубые глаза смотрели с пугающей безгрешностью, игнорируя слова о двух знакомых и сотни незнакомых бессмертных.

— Это же ложь.

— О которой знаешь ты, я да Зейн с Лиамом. — заранее продуманный ответ, вот что излучало родное лицо.

Гарри помотал головой, ни на что больше не было сил.

Он не хотел этого признавать, но старый ошейник давно был срезан Луисом.

Залезая обратно на кровать, продолжал шмыгать носом. Больше он не представлял из себя полноценного существа, несущего угрозу. Сплошной сгусток эмоций и безвольности, скрючивавшийся под гнётом сил.

— Послушай, Гарри, — матрас прогнулся под тяжестью тела. — Ты нужен мне, — большие

крылья овивают коконом тени, укрывая от внешнего шума бушующей грозы. — а я нужен тебе.

И им же, на его место, был надет новый.

— Но этот мир — опасное место. — тёплые ладони ложатся на мокрые щеки, бледной дымкой обволакивая лицо, — Ты должен быть на чеку, даже находясь в этих стенах. От этого зависит не только твоё существование, но и моя жизнь. — сухие губы касаются лба, будто это что-то должное, а не желанное. — Ты то, что даёт мне силы, но так же и то, что может лишить меня их.

Этим Луи молчаливо натянул невидимую тетиву в сторону Гарри, неотрывно наблюдая за тем, как последний, обмякающим телом, терял связь с неползаемой гримасой страха.

Безвольно лежавший ангел провожал нового советника тихим сопением.

Захлопнувшаяся дверь сняла оковы с брэнного тела, зажигая глаза гневным пламенем ко всему окружающему.

Тёмная сторона души — просто-напросто тень от светлой.

— Как он? — женский голос прозвучал над самым ухом, обдавая дыханием.

— Молил себя убить. — глаза, под закрытыми веками, бегали по сторонам, прислушиваясь к скребущему инородному «я».

— Многие будут также требовать этого от Цитадели, — темно-русые волосы спадали с её плеч. — требовать от нас.

Раздражительный вздох срывается с губ, когда девушка не затихает, мешая уединиться с тишиной. Не вдаваясь в чёткость слов Луис поворачивается к двери, прикасаясь подушечками пальцев к замысловатому рисунку на ней, параллельно бубня, что жителям, как и Шепфе, достаточно знать лишь о смерти Гарольда. В конечном итоге мальчик из башни наконец оказался под его крылом.

— Найл это так не оставит, Луис, — голубоглазая отзеркаливает движение. — Он с самого начала почуял что-то неладное с нашей с тобой стороны, а потому будет продолжать копать.

— Теперь он слеп, Барбара, — уже спокойными глазами новоиспечённый херувим зыркает в её сторону. — в прямом и переносном значении этого слова. — улыбка касается губ при воспоминании тугой повязки на ангельских бездонных “глазах”. — И если Гарри решил оставил его в живых, значит он понадобится.

Руны на двери вспыхнули ярким сиянием, заполняясь верховной силой с подобием тьмы. Молодые советники — выбранные единственными выжившими при нападении Серафимами. Девушка, отрекшаяся от Ада и пожертвовавшая любовью во спасение идеалов Шепфы, а так же парень, пожертвовавший сосудом и своей внутренней целостностью ради спасения дорогого создателю ангела.

— Теперь я Херувим, — она поворачивается спиной к двери, следуя за хозяином, как верная гончая. — и это так странно. — смех срывается с губ. — Предав отца и убив любовь, стала тем, кто направляет на праведный путь. Хотя это всяко лучше, чем охранять престол создателя.

Переплетающийся смех двух полов разразился по башне Цитадели сквозь туман тайн перекочевавших со школы.

— Что теперь собираешься делать? — смахивая слезинки и фирменно улыбаясь, спрашивает она. — Ты получил невероятную силу, не принадлежавшую тебе ранее.

— Сначала, чтобы не скрёбся, возьму под контроль его, — спускаясь по винтовой лестнице, худые ладони погружаются в темное пламя мрака, дымкой разлетевшегося вокруг владельца и отображающего облик истинного Гарри, того, что был спрятан внутри Томлинсона, как в спасательной оболочке, издав далеко следя за происходящим. — А дальше нам всем будет ясно. — крылатый прячет руки в широких рукавах мантии, дабы скрыть истину, и прижимает их к торсу, продолжая спускаться от двери с коварной улыбкой на губах.

Пришло время Цитадели исполнить роль здания, чья история оставит огромные пятна крови и плесени на жизни живущих людей, затмив дорогу льющимся лучам “справедливости” Шепфы, пока Луи с Гарри, подобно монете с двумя сторонами, будут застилать глаза смотрящему за детьми создателю.

И как пророчили ранее весы Немезиды...

Что было однажды, то будет и дважды.

<http://tl.rulate.ru/book/71578/1916952>